

Приход Св. Великомученицы Екатерины ПРИХОДСКОЙ ЛИСТОК № 9-03

23 МАРТА по новому стилю - 10 МАРТА по старому стилю

Неделя 2-я Великого поста. Свт. Григория Паламы, архиеп. Фессалонитского (переходящее празднование во 2-ю Неделю Великого поста). Мчч. Кодрата и иже с ним: Киприана, Дионисия, Анекта, Павла, Крискента, Дионисия, Викторина, Виктор, Никифора, Клавдия, Диодора, Серафима, Папия, Леонида и мщ. Хариессы, Нунехии, Василиссы, Ники, Гали, Галины, Феодоры и иных многих (258). Мчч. Кодрата Никомидийского, Саторина, Руфина и прочих (III). Прп. Анастасии (567-568). Собор всех преподобных отцов Киево-Печерских (переходящее празднование во 2-ю Неделю Великого поста). Лит. - Евр. I, 10 - II, 3. Мк. II, 1-12.

Дорогие братья и сестры!

Сегодня мы решили немного видоизменить наш Листок. Мы сократили рубрику «Воскресное чтение», заменив его ссылками на те места Нового Завета, которые читаются сегодня. Это изменение, как и весь наш Листок, – приглашение к дискуссии. В этом номере мы продолжаем публикацию отрывков из книги «Великий Пост» прот. Александра Шмемана, отрывков из «Древнего Патерика». Также в нашем литературном разделе мы решили опубликовать сокращенный вариант рассказа Дмитрия Емца «Почтовая голубица».

Листок по-прежнему открыт для ваших «просфор», т.е. «приношений»: мы с удовольствием опубликуем в нем материалы, которые, по вашему мнению, соответствуют тематике Листка. Мы приглашаем вас и к самостоятельному творчеству: на страницах Листка мы можем обсуждать различные стороны нашей приходской жизни, устроить своеобразный форум, посвященный тем или иным вопросам.

ВОСКРЕСЕНЬЯ ВЕЛИКОГО ПОСТА

прот. АЛЕКСАНДР Шмеман

Каждое воскресенье Великого Поста имеет два значения. С одной стороны, каждое из них входит в тот ритм, которым выявляется духовная "диалектика" Поста. С другой стороны, в течение исторического развития Церкви почти каждое великопостное воскресенье обрело еще и второе значение. Так, в первое воскресенье Церковь празднует Торжество Православия, вспоминая победу над иконоборчеством и восстановление почитания икон в 843-м г., в Константинополе. Связь этого празднования с постом чисто историческая: первое Торжество Православия произошло именно в это воскресенье. То же можно сказать о посвящении второго воскресенья Поста памяти св. Григория Паламы. Осуждение его врагов и оправдание его учения было принято Церковью в XIV столетии как второе Торжество Православия, и поэтому его ежегодному празднованию было посвящено второе воскресенье Великого Поста. Хотя оба эти празднования очень важны, они сами по себе не зависят от Великого Поста как такового, и мы не будем здесь говорить о них отдельно. Память св. Иоанна Лествичника в четвертое воскресенье Поста и св. Марии Египетской в пятое воскресенье по существу имеют гораздо больше связи с Великим Постом. В обоих святых Церковь видит не только носителей аскетизма, но и самый совершенный его пример: у св. Иоанна Лествичника в его писаниях, а у св. Марии Египетской в ее жизни. Воспоминание этих святых во второй половине Поста явно должно служить ободрению и вдохновлению верующих в их духовной борьбе в течение всего великопостного подвига...

Первое же и главное значение великопостных воскресений раскрывается в чтениях Апостола и Евангелия. Чтобы понять их порядок, надо еще раз вспомнить первоначальную связь Поста с крещением, т. е. смысл Поста как приготовления к крещению. Эти чтения действительно составляли неотъемлемую часть раннего христианского оглашения; они объясняют и как бы подытоживают приготовление оглашенных к пасхальному таинству крещения. Крещение открывает вход в новую жизнь, дарованную Христом. Эта новая жизнь еще только возведена и обещана оглашенному, и он ожидает и принимает ее верой. Он подобен людям Ветхого Завета, жившим верой в обещанное, исполнения которого сами они не увидели.

Таков смысл первого воскресенья. Упомянув всех праведников Ветхого Завета, Апостол Павел заканчивает словами (Евр. 11,24—26, 32—40; 12,2) : "... И все сии, свидетельствованные в вере, не получили обещанного, потому что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее".

Что же это такое? Ответ дается в Евангельском чтении первого воскресенья (Иоанн 1,43—51): "... увидишь больше сего... истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым, и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому".

Это означает: вы, оглашенные, которые верите в Христа, хотите креститься, готовитесь к Пасхе, — вы увидите наступление нового времени, исполнение всех обетований, явление Царства Небесного. Но увидите вы это, только если поверите и раскаетесь, если перемените свое видение жизни, если возжелаете и если примете подвиг.

Об этом нам напоминает чтение Апостола во второе воскресенье (Евр. 1,10; 2,3) : "... Посему мы должны быть особенно внимательны к слышанному, чтобы не отпасть... как мы избежим (праведного воздаяния), вознерадевши о толиком спасении?"

В Евангельском чтении второго воскресенья (Марк 2, 1—12) образом этого усилия и желания является расслабленный (парализованный), которого спускают к ногам Христа сквозь крышу дома: "... Иисус, видя веру их, говорит расслабленному: чадо! прощаются тебе грехи твои".

В третье воскресенье начинается поклонение Кресту, и мы слышим в Евангельском чтении (Марк. 8,34; 9,1) : "... какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?" С этого воскресенья, в чтении Послания к Евреям начинает раскрываться смысл жертвы, которую принес Христос, той жертвы, которой для каждого из нас открывается вход "во внутреннейшее, за завесу", т. е. во святая святых Царствия Божьего..., в то время как в Евангелии от Марка возвещаются вольные страсти (страдания) Христа: "... Сын Человеческий предан будет в руки человеческие, и убьют Его..." (Марк 9,17—31) и Его Воскресение: "... и в третий день воскреснет"....

Приготовление к великому таинству, оглашение, заканчивается, и решительный час, когда человек войдет и присоединится к Смерти и Воскресению Христа, приближается.

В наши дни Великий Пост перестал быть вре-; менем подготoвления оглашенных к крещению,! но разве мы, хоть и крещенные и миропомазанные, не являемся ли все еще в некотором смысле "оглашенными"? И разве не следует нам возвращаться к этому состоянию каждый год? Разве не отпадаем мы опять и опять от того великого таинства, к которому мы были приобщены? Разве не нужно в нашей жизни, которая в сущности есть одно постоянное отпадение от Христа и Его Царства, — это ежегодное возвращение к самым корням нашей христианской веры? (продолжение следует).

ДРЕВНИЙ ПАТЕРИК

9.9. Еще брат спросил его (авву Пимена): если я увижу грехопадение брата моего, хорошо ли скрыть его? - Старец говорит ему: когда мы покроем согрешение брата своего - и Бог покроет наши оскорбления; а когда мы обнаружим грех брата - и Бог объявит наши грехи

10.3. Некто, ловя в пустыне диких зверей, увидел, что авва Антоний шутливо обращается с братьями, и соблазнился. - Старец, желая уверить его, что иногда бывает нужно давать послабление братьям, говорит ему: положи стрелу на лук свой, и натяни его. - Он сделал так. - Старец опять говорит ему: еще натяни. - Тот еще натянул. - Старец опять говорит: еще тяни. - Ловец отвечает ему: если я сверх меры буду натягивать, то переломится лук. - Тогда авва Антоний говорит ему: так и в деле Божиим, - если мы сверх меры будем налегать на братьев, то от приражения они скоро сокрушаются. Посему необходимо иногда давать хотя некоторое послабление братии. - Выслушав это, ловец был сильно тронут, и получив великую пользу, ушел от старца. - И братия утвердившись, возвратились в свое место.

10.60. Брат спрашивал его (авву Пимена): если впадет человек в какое либо согрешение, и обратится, простит ли его Бог? - Старец отвечал ему: Тот, кто заповедал людям исполнять это, не более ли Сам исполнит? А Петру заповедал Он отпускать брату своему до семьдесят крат седмицею (Мф. 18, 22).

13.15. Некий из старцев говорил: есть некто часто делающий много добра; а лукавый заставляет его тщательно заниматься мелочами, чтобы погубить мзду за все добрые дела, которые он делает. Когда жил я в Оксирихе, он сказал, к некоему пресвитеру, творящему многие милостыни, пришла вдова, прося у него хлеба. И он говорит ей: пойди, принеси мне меру, и я отмерю тебе. Она принесла. Пресвитер, осязавши рукою меру, сказал: велика она, - и пристыдил вдовицу. Когда вдова ушла, я сказал ему: авва! ты продал хлеб вдовице? Он сказал: нет! но в милостыню дал ей. Я сказал ему: если ты все отдал ей в милостыню, то как же ты обратил внимание на мелочь, и посрамил ее?

На дворе март, взбалмошно сияет солнце, истекают слезами сосульки, но здесь, в квартире №15, где пахнет старыми вещами и стоят на полках фарфоровые безделушки, вечная осень.

Старушка Божий одуванчик, дунешь — рассыплется. Девятый десяток разменян. Волосы редкие, белые, тонкие — пушинки. Всюду приглажены, одна лишь прядка над правым ухом бунтует, что придает Божьему одуванчику вид немного легкомысленный. Стоит старушка у окошка, да только мысли ее не здесь. Видно, что старушка в большом нетерпении, то оглянется, то переступит, то рот откроет, да тотчас и закроет.

Наконец, решившись, быстрыми семенящими шажками старушка подходит к дверям и заискивающе окликает:

— Коралла Алексеевна! Коралла Алексеевна!

После второго призыва из соседней комнаты доносится скрип кровати и раздраженное сопение. Одуванчик пугается.

— Как же так? Вы спите, лапочка?

— Поспишь с вами, лапочка моя Тамара Васильевна! — раздраженно передразнивает толстый голос. — Едва промучалась с давлением и вот — разбудила, дура старая!

Одуванчик вбирает голову в плечи.

— Коралла Алексеевна, будьте так добры... Можно вас побеспокоить? — зовет она с щепетильной старушечьей гипервежливостью.

Яростно скрипит сетка кровати. Глухие удары босых пяток по ковру, затем более громкие — по линолиуму. Одуванчик, слушая эти гневные шаги, съезживается еще больше.

В комнату заходит грузная усатая старуха лет семидесяти. Это Коралла Алексеевна Швыдченко, племянница жены брата Божьего одуванчика или что-то в этом роде. По ее синему халату крупными пятнами разбегаются цветы — несуществующая в природе помесь мака и розы. Сейчас разбуженная старуха не в духе. Войдя в комнату, Коралла устремляет на Божьего одуванчика сердитый взгляд.

— Сколько ж можно? Готовь — я, рынок — я, рецепты — я... Вот подохну как собака, вы ж меня еще и переживете, — шипит она. — Ну чего вам, Тамара Васильевна? Снова читать?

Божий одуванчик с надеждой кивает.

— Шо читать-то? Вы ж его, небось, наизусть уже знаете. Или от чтения там чего новое появится? — язвит Коралла Алексеевна и, ходя по комнате, начинает брюзжать.

Божий одуванчик виновато моргает и дожидается, пока минует гроза. Наконец грузная старуха берет со стола растрепанное письмо, подносит его к глазам и собирается уже читать, но тут ей приходит в голову, что она недостаточно еще накуражилась за прерванный сон.

— Чего ж сами не читаете? Вам написано – не мне! Вот и читайте, а я всё – баста! — сопит она, перепрыгивая с “вы” на “ты” и всовывая письмо в ладонь Божьему одуванчику.

Внезапно Одуванчик преображается. Во всем другом она готова уступить, но только не в том, что составляет для нее единственную ценность. Она захлебывается от возмущения, заикается и даже не договаривает слов.

Усатая старуха равнодушно слушает. Коралле уже известно, что сейчас среди прочих слов прозвучит колючее, похожее на краба с клешнями, слово “катаракта”. Коралла ждет. Наконец слово “катаракта” звучит, и седьмая вода на киселе удовлетворенно кивает.

Одуванчик замолкает, чтобы вдохнуть, и, икая, моргает припухшими веками.

— Ехали бы к себе в Винницу... Да только не очень-то вас там ждут... — всхлипывает она.

Это замечание нарушает привычное течение размолвки. Задетая Коралла закипает и начинает кричать. Коралла кричит тем громче, что действительно знает: не нужна она в Виннице, да и не к кому ей там ехать.

Децибелы нарастают. И вот в тот самый момент, когда, по всем ожиданиям, должен произойти чудовищный взрыв и разорвать Одуванчика в клочья, Коралла внезапно сдувается. Некоторое время она еще бормочет, но уже вяло, без запала, и, наконец, замолкает.

В комнате с розовыми шторками повисает тишина. Одуванчик робко присаживается на край дивана. Перемирие установлено.

— Ну слушайте, Тамара Васильевна, лапочка вы моя! — кисло говорит Коралла и начинает читать.

“Дорогая бабуся!

В каждом письме ты спрашиваешь меня, как я. У меня все как всегда, то есть лучше некуда. Живу в Тюмени. Здоровье у меня хорошее, ничего не болит, ничего не отморозил, в больнице тоже не лежал. Ты, старушка, не волнуйся. Водки я уже не пью, потому что в ней все зло, только иногда вина и пива, но это когда какое событие или праздник.

Питаюсь хорошо. Желудок работает нормально и это хорошо, потому что многие нажили тут от сухомытки язву двенадцатиперстной кишки.”

— Ох, ты батюшки! Язvu! — с ужасом восклицает Одуванчик.

“Одеваюся я тепло. Недавно купил себе куртку импортную с высоким воротом, называется "каляска". Так что ты, бабуся, будь спокойна.”

— Ты про тощих, про тощих прочитай! — нетерпеливо подсказывает Одуванчик.

Коралла хмурится и повышает свой толстый голос:

"Ты, бабуся, в письме спрашиваешь, женился ли я? Где тут женишься, потому что девушек тут порядочных нету. К тому же они еще и тощие."

Дочитав до этого места, Коралла громко плюнула, покосилась на Одуванчика и продолжила:

"Так что, бабуся, я пока не женился и не собираюсь... Приехать я не могу, потому что билеты стоят дорого да и далеко ехать. По этой же причине, что денег мало я и не помогаю тебе матерьяльно. За это ты меня, бабуся, прости."

Ну вот и все, теперь я закругляюсь. Нужно идти бурить дыру.

Твой внук Сережа."

Письмо прочитано, а Одуванчик все сидит на диване с умиротворенным и счастливым лицом. То же письмо она слушала и вчера, и на прошлой неделе. Если бы не было ей письма, то совсем извелась бы она от беспокойства, а так ничего, можно жить. Жаль, только глаза не видят, даже почерка сержкиного не различить. Ну да ничего, Коралла прочтет, хотя тяжело с ней...

Потом старухи ужинают. Одуванчик жует, глотает, но вкуса не ощущает. Она снова в мечтаниях.

Через час Одуванчик вновь приходит в беспокойство и семенит к Коралле.

— Давно чего-то от Сережки новых писем не приходило! Уж не случилось ли чего?

— Накаркаете тоже... Мужики они писать не больно-то. Ничего, пришлет, куда не денется, — отвечает Коралла.

Вечером, когда Одуванчик засыпает, Коралла тихо заглядывает к ней в комнату. Простояв некоторое время в дверях, она идет на кухню, берет лист бумаги и, почти не размышляя, начинает писать:

"Дорогая бабуся!

Вот снова пишу к тебе письмо, потому что знаю, что ты вся уже извелась. Здоровье у меня по-прежнему хорошо, ничего не болит, даже простуды и те не липнут..."

Пишет Коралла увлеченно, даже, пожалуй, вживаясь в образ. Впрочем, уж что, а рука у нее набита. Какое это письмо? Тридцатое, пятидесятое? Она уже и со счета сбилась.

Никого, кроме внука, нет у Одуванчика. А внук семнадцать лет уж как уехал в Якутию бурить там скважины, да и сгинул. Ни письма, ни открытки, ни звонка. Пробовала Коралла выяснять, да разве что выяснишь? Отвечают "адресат выбыл" и точка.

То ли забыл внук бабку, то ли сел, а, скорее всего, давно уж помер. Дело известное, северное — напился пьяным, заснул на морозе, вот и готов покойник. А зашибать-то Серега и раньше любил.

Закончив писать, Коралла зевает и, перечитав письмо, прячет его в один из старых конвертов. Потом встает и, гулко бухая каменными пятками, идет спать.

ПОМОЛИТЕСЬ, ПОЖАЛУЙСТА, О ЗДРАВЬИ

АЛЕШИ Васильева, ЮЛИ Берлянд, ЛЮДМИЛЫ Герасименко

ПОЗДРАВЛЯЕМ

ВИКТОРИЮ Тимофееву с именинами
